

ЭВОЛЮЦИЯ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ГРЕКОВ И ФРАНКОВ НА ПЕЛОПОННЕСЕ В 1340–1370-е гг.

С начала XIII в. Пелопоннес превратился в зону цивилизационного приграничья, на которой сосуществовали и взаимодействовали греческая и западноевропейская этнокультурные общности. Долгое время стороны находились в состоянии перманентной войны, однако с течением времени их отношения начали изменяться. К середине XIV в., когда баланс сил на Пелопоннесе сместился в пользу византийцев, эти перемены проявились особенно отчетливо. В данной статье анализируется эволюция военно-политического сотрудничества между греками и франками на Пелопоннесе в 1340–1370-е гг. Основываясь на данных исторических сочинений, автор рассматривает причины сотрудничества франков и греков, выделяет мотивы каждой стороны для такого взаимодействия и новые черты, в которых выразилась эволюция их военно-политических контактов.

Исследование показало, что со стороны ахейского баронства сближению с греками способствовало разочарование в анжуйском управлении княжеством. Для византийцев мир и сотрудничество были выгодны из соображений безопасности и укрепления внутренней организации Морейского деспотата. Главным побудительным мотивом заключения военно-политического союза между греками и франками стала необходимость защитить Пелопоннес от нападений извне. Автор приходит к выводу, что заключение союза между частью баронов Ахейского княжества и деспотом Мануилом Кантакузином свидетельствовало о зарождении новой, более сложной модели греко-латинских отношений на Пелопоннесе. Эволюция военно-политического сотрудничества сторон выразилась в его беспрецедентной устойчивости и временной продолжительности в сравнении с прежними ситуативными договоренностями. Изменения заключались в последовательности политического курса деспота, долгое время избегавшего военных действий против соседей, которые также соблюдали договоренности. Их военно-политическое сотрудничество в 1350–1360-е гг. дало видимый результат и показало плодотворность подобной модели взаимоотношений.

Ключевые слова: поздняя Византия; Пелопоннес; Морейский деспотат; Ахейское княжество; Кантакузины; греко-латинское взаимодействие

Благодарности

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 20-39-90019 «Греко-латинский фронт на Пелопоннесе (середина XIII — XIV в.): политическое и социокультурное взаимодействие».

Ц и т и р о в а н и е: *Белоруссова Т. Е.* Эволюция военно-политического сотрудничества греков и франков на Пелопоннесе в 1340–1370-е гг. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2021. Т. 23, № 2. С. 45–58. <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.2.024>

Поступила в редакцию: 27.01.2021

Принята к печати: 15.04.2021

Tatiana E. Belorussova

Ural Federal University

Yekaterinburg, Russia

EVOLUTION OF MILITARY AND POLITICAL COOPERATION OF GREEKS AND FRANKS IN THE PELOPONNESE BETWEEN THE 1340s AND 1370s

From the beginning of the thirteenth century, the Peloponnese became a zone of civilization borderland, where Greek and Western European ethnocultural communities coexisted and interacted with each other. For a long time, they had been in a state of permanent war, but over time, their relationship began to change. By the mid-fourteenth century, the changes became especially evident as the balance of power in the Peloponnese shifted in favour of the Byzantines. This article analyses the evolution of military and political cooperation between the Greeks and the Franks in the Peloponnese between the 1340s and 1370s. Based on data from historical writings, the author examines the reasons for cooperation between the Franks and the Greeks, identifies the motives of each side for such interaction and new features which expressed the evolution of their military and political contacts.

The study demonstrates that on the part of the barony of Achaea, the rapprochement with the Greeks was promoted by disillusionment with the Angevin administration of the principality. For the Byzantines, peace and cooperation were beneficial for security reasons and for strengthening the internal organisation of the Despotate of the Morea. The main motivation for this military and political alliance between the Greeks and the Franks was the need to protect the Peloponnese from external attacks. The author concludes that the alliance between a part of the Achaean barons and the despot Manuel Kantakouzenos indicated the emergence of a new, more complex model of Graeco-Latin relations in the Peloponnese. The evolution of the military and political cooperation between the parties was expressed in its unprecedented stability and duration in comparison with previous situational agreements. Unlike before, the political course of the despot was consistent. For a long time, he avoided any military actions against the neighbours who were also complying with agreements. Their military and political cooperation between the 1350s and 1360s gave a visible result and showed the fruitfulness of such a relationship model.

Key words: Late Byzantium; Peloponnese; Despotate of the Morea; Principality of Achaea; Kantakouzenos; Greek-Latin interaction

Acknowledgements

The research is sponsored by the *Russian Foundation for Basic Research* (project 20-39-90019 “The Greek-Latin Frontier on the Peloponnese in the Second Half of the Thirteenth – Fourteenth Centuries: Political and Sociocultural Interactions”).

For citation: Belorussova, T. E. (2021). Evolutsiia voenno-politicheskogo sotrudnichestva grekov i frankov na Peloponnese v 1340–1370-e gg. [Evolution of Military and Political Cooperation of Greeks and Franks in the Peloponnese between the 1340s and 1370s]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 23(2), 45–58. <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.2.024>

Submitted: 27.01.2021

Accepted: 15.04.2021

В позднее Средневековье Пелопоннес обладал выраженными локальными особенностями [Page, p. 241–242; Bon, p. 223]. С начала XIII в., после образования на бывших византийских владениях латинских государств, здесь сосуществовали две этнорелигиозные и культурные общности — греческая и западноевропейская, что превращало регион в зону цивилизационного пограничья [см.: Jacoby]. Острые греко-латинские противоречия из-за территорий придавали отношениям франков Ахейского княжества и византийцев в XIII в. преимущественно конфликтный характер. Несколько десятилетий стороны, каждая из которых стремилась расширить свои владения на полуострове, находились в состоянии перманентной приграничной борьбы. Однако со временем их отношения претерпели изменения, несмотря на сохранение территориальных претензий друг к другу и социокультурные различия между полиэтничным населением Пелопоннеса [Housley, p. 108]. За сто лет совместного проживания пропасть между греками и латинянами не сильно уменьшилась, но она уже не выглядела столь непреодолимой, как это было в начале XIII в. [Lock, 1995, p. 308–309]. Постепенно менялся характер политического взаимодействия между греками и франками, которое допускало и временное политическое сближение прежде непримиримых соперников. В частности, стали возможны совместные, хоть во многом и ситуативные, военные действия латинян и греков как ответы на внешние вызовы.

Вопросы греко-латинских конфликтов и контактов на Пелопоннесе, включая их военно-политическое сотрудничество, неоднократно рассматривались в научной литературе [Bon; Jacoby; Lock, 1995; Shawcross; Zakythinos], однако эволюция этого сотрудничества не стала предметом комплексного анализа. К середине XIV в. именно эти изменения греко-латинского взаимодействия проявились особенно отчетливо. Несмотря на то, что о периоде, к которому относится долгое правление первого византийского деспота Мануила Кантакузина (1348/9–1380) в Морее, известно не так много, сохранившиеся сведения говорят об отсутствии враждебности в отношениях ромеев с латинянами [Zakythinos, p. 112]. В частности, сюжеты, связанные с военно-политическим сотрудничеством франков и греков Пелопоннеса, нашли отражение в историческом сочинении Иоанна IV

Кантакузина (1347–1354) и в Арагонской версии Морейской хроники. Какими причинами это сотрудничество было обусловлено? Чем была мотивирована позиция каждой из сторон? В чем конкретно выразилась эволюция военно-политических контактов греков и латинян? Рассмотрение этих вопросов позволит приблизиться к пониманию причин изменений во взаимоотношениях двух главных участников политического процесса, протекавшего в этом фронтирном регионе.

К середине XIV в., по сравнению с его первыми десятилетиями, баланс сил на Пелопоннесе изменился. Междоусобная война (1315–1316) между претендентами на княжеский титул в Ахайе серьезно ослабила франкское княжество. В условиях отсутствия стабильной системы управления латинскими территориями франкские владения переживали политический кризис [Shawcross, p. 245]. Византийская провинция с центром в Мистре, напротив, вступала в полосу стабилизации благодаря решению императора Андроника II (1282–1328) в 1308 г. отказаться от ежегодной смены наместников Мореи [Воп, р. 222]. Византийцы начали наступление на владения франков, в результате чего те несли тяжелые территориальные потери. Итогом завоевательной политики византийского наместника (κεφαλῆ) Андроника Асеня [PLP, № 1489], управлявшего Мореей в 1316–1321 гг., стало подчинение части Аркадии, расположенной в центре полуострова [Воп, р. 202]. Франкская знать, судя по всему, осознавала опасность собственного положения. В изменившихся условиях ахейские бароны были озабочены сохранением земельных владений, которые обеспечивали им высокий социальный статус и экономическое благополучие.

Неэффективное анжуйское руководство контрастировало с более стабильной ситуацией на византийских территориях [Page, p. 206]. В условиях серьезного ослабления Ахейского княжества сохранение верности анжуйским сюзеренам, находящимся в Неаполе, стало для баронства вопросом выживания. В то же время общий политический фон ухудшался из-за активизации тюрок, которые к началу 1330-х гг. представляли основную опасность для региона [Lock, 2014, p. 148]. Новый вызов еще больше подталкивал латинян к пересмотру их отношений с ромеями. Часть латинской знати к этому времени уже открыто демонстрировала провизантийские симпатии. Нахождение в Ахайе в 1338–1341 гг. княгини-регента Екатерины де Валуа-Куртене (1332–1346), которая прибыла сюда для восстановления порядка, не помогло возродить прежнюю лояльность баронов к далекому сюзерену. Наоборот, настроения местных элит окончательно склонились к поиску нового лидера, способного защитить их интересы [Воп, р. 212].

Еще в бытность Екатерины в Ахайе (она покинет регион в 1341 г.) бароны планировали сближение с византийским наместником, что подтверждает письмо, датированное 24 декабря 1340 г., от верховного сюзерена Ахейского княжества, неаполитанского короля Роберта (1309–1343), адресованное прелатам и баронам княжества [Topping, p. 128]. В нем звучали призывы сохранять верность княгине-регенту и упоминалось, что архиепископ Патр Роже (1337–1347),

епископ Олены, бургундец Филипп де Жуанвиль [Ortega, p. 598], барон Востицы и Нивеле, и ряд других феодалов приняли решение заключить союз с греками [Topping, p. 128]. Возможно, это решение было продиктовано конфликтом интересов между старой и новой латинской знатью Ахайи: франкской и итальянской, поскольку при анжуйских сюзеренах, которые отправили из Неаполя на Пелопоннес доверенных лиц, произошла «итальянизация» элиты княжества [Balard, p. 835]. Сближению греческого и латинского населения полуострова на социокультурном уровне способствовало распространение смешанных браков [Ortega, p. 214]. Таким образом, потомки франкских родов и церковные феодалы сильнее тяготели к греческой стороне, которая была им ближе, чем наместники (балы) князя, редко задерживавшиеся в Морее надолго.

Эти процессы нашли отражение в сочинении Иоанна VI Кантакузина (1347–1354). Занимавший в 1340 г. пост великого доместика империи [о его функциях см.: Поляковская, с. 294] Кантакузин произвел благоприятное впечатление на ахейских рыцарей, которые участвовали в неудачных для них военных действиях против византийцев в Эпире [Ioannis Cantacuzeni..., vol. 2, p. 75, 22–24; 76, 1–6; Topping, p. 129]. Осенью 1341 г. в Дидимотику, где находился Кантакузин, прибыли послы ахейских баронов: неназванный епископ венецианского Корона и Жан Сидерос (Σιδερός Ντζιούαν), владевший землей в Скорте [PLP, № 25311]. Последний, предположительно, имел греческое происхождение [Jacoby, p. 894] или являлся полукровкой – гасмулом (γασμούλος) [см. о них: The Oxford Dictionary of Byzantium, p. 823], чьи фамильные земли были урезаны при анжуйском правлении. Это объясняет мотивацию некоторых феодалов к смене сюзерена [McLaughlin, p. 344], а также подтверждает предположение о расколе в среде латинской элиты Пелопоннеса.

Цель посольства латинян заключалась в том, «чтобы передать василевсу все города, которыми они владели, в то время как они оставались бы в качестве губернаторов этих земель, но платили бы ему все подати, которые выплачивались [латинскому] князю, и проявляли бы всевозможное почтение, а также имели военачальника от императора, которому они были согласны подчиняться» в обмен на его защиту [Ioannis Cantacuzeni..., vol. 2, p. 74, 21–24; 75, 1–14]. Подобное предложение ахейских послов, очень близкое по характеру к вассальным отношениям Западной Европы, было охотно принято византийской стороной, поскольку объединение Пелопоннеса, по мнению Кантакузина, могло стать «основой для великих достижений» [Ibid., p. 80, 2–5]. Согласие великого доместика на франкские условия говорило о сближении латинского и греческого населения на этих территориях и их определенном взаимовлиянии в административной сфере. Кантакузин намеревался сам отправиться в Ахайю весной следующего, 1342 года, поскольку обязательным условием франков был его личный визит для принесения клятвы и, вероятно, ведения военных действий против наместника князя (балы) [Ibid., p. 76, 7–10]. Требование личного посещения Ахайи должно было, по всей видимости, стать подтверждением серьезности византийских намерений. Отправка посольства является отражением

полного разочарования франкской элиты в неаполитанских сюзеренах, а также еще раз доказывает, что греков и латинян на Пелопоннесе вовсе не разделяла непреодолимая пропасть [Page, p. 207]. Этот эпизод демонстрирует и постепенную эволюцию в их взаимоотношениях, а также возросшую терпимость ромеев к латинянам, чьи предки в начале XIII в. завоевали их территории.

Планы объединения Пелопоннеса, однако, нарушила гражданская война в Византии (1341–1347), последовавшая за смертью императора Андроника III Палеолога (1328–1341). Намерение латинян «добровольно передать себя в распоряжение императора» [Nikephori Gregoraе..., p. 596, 5–6] так и не было реализовано. Несмотря на провал этого проекта, тенденция налаживания греко-латинского сотрудничества вновь проявилась через несколько лет, во время правления в Морее в качестве наместника сына Иоанна VI Кантакузина, деспота Мануила (1348/9–1380) [PLP, № 10981; Nicol, p. 122–123]. Этим событиям предшествовали обострившиеся в период гражданской войны внутренние проблемы Морей, предоставленной в это время самой себе [Necipoglu, p. 19]. Согласно Кантакузину, в 1340-е гг. «Пелопоннес был полностью разрушен не только персами (тюрками. — Т. Б.), нападавшими с большим флотом, и латинскими подданными князя, владевшими территорией, называемой эллинами Ахайей, но и самими пелопоннесцами, которые постоянно ссорились, захватывая имущество друг друга и совершая убийства. Их невозделанные деревни были опустошены врагом извне, в то время как их городам, разрушенным изнутри, грозило полное исчезновение» [Ioannis Cantacuzeni..., vol. 3, p. 85, 3–8]. Не исключено, таким образом, что в указанный период имели место как военные конфликты между латинянами и греками, так и междоусобицы внутри самих политических образований.

Став императором в 1347 г., Кантакузин предпринял попытку разрешить кризис на Пелопоннесе, вновь изменив систему управления провинцией. Не имея возможности отправиться в Морею самостоятельно, «он послал своего сына, деспота Мануила... сильной рукой управлять пелопоннесцами» [Ibid., p. 85, 11–14]. С этого времени в Морею должны были назначаться пожизненные правители — деспоты, которые, признавая власть императора, пользовались бы административной автономией в управлении вверенной им территорией [Guilland, p. 54, 63]. Образование Морейского деспотата ознаменовало новый этап в жизни Пелопоннеса [Zakythinos, p. 94]. Можно утверждать, что с созданием деспотата византийские территории обрели статус политической доминанты на полуострове.

Местная землевладельческая элита Морей, традиционно тяготевавшая к максимальной самостоятельности [Page, p. 191], встретила эти изменения враждебно. В первые несколько лет своего правления деспот Мануил Кантакузин был вынужден подавлять сопротивление архонтов, не желавших признавать над собой власть нового и чуждого им правителя [Ioannis Cantacuzeni..., vol. 3, p. 85, 14–15; 86, 8–10]. Димитрий Кидонис в письме на Пелопоннес, датированном октябрём 1352 г., одобрял новую модель управления Мореей и называл

пелопоннесцев, погрязших во смутах, «несчастьем для страны» [Démétrius Cydonès, p. 85, ep. 51, 25–26], что говорит о серьезности и продолжительности внутреннего конфликта в Морее. Вероятно, именно противоречия с местными элитами склонили деспота к необходимости заключения перемирия с латинянами Ахейского княжества. По-видимому, вскоре после прибытия на Пелопоннес в 1349 г. Мануил заключил с ними мирный договор, «убедив варваров не смотреть свысока на пелопоннесцев» [Ioannis Cantacuzeni..., vol. 3, p. 85, 16–20]. Традиционное для византийцев восприятие латинян варварами подчеркивало, вероятно, и существующие трудности в контактах с княжеством на момент описываемых событий.

Помимо соображений безопасности и сохранения ресурсов, мир с франками был необходим деспоту, чтобы сосредоточиться на разрешении внутреннего конфликта с морейскими архонтами. Эта борьба действительно затянулась на несколько лет: для защиты своих интересов местные землевладельцы были готовы выступить единым фронтом против деспота, отодвинув внутренние распри на второй план [Ibid., p. 86, 4–10]. Однако Кантакузин сообщает, что после победы Мануила над архонтами и установления некоторой стабильности на византийских землях латиняне объявили войну Морейскому деспотату, будучи «обеспокоенными его процветанием» [Ibid., p. 89, 17–19]. В греко-латинских отношениях на Пелопоннесе, таким образом, к середине XIV в. сохранялась определенная напряженность.

Росту напряжения способствовала частая смена бальи в правление ахейского князя Роберта Тарентского (1346–1364), не проявлявшего особого интереса к своим владениям на Пелопоннесе [Воп, p. 223]. Подобный стиль управления княжеством, разумеется, мешал выработке единой политической линии, что проявлялось во всех сферах жизни, включая отношения с византийскими соседями. Реорганизация управления греческими землями, определившая усиление позиций ромеев в регионе, в свою очередь, вынуждала франкскую элиту искать сближения с деспотом. Отметим, что франки обратились к Мануилу для заключения союза лишь после решительного военного отпора, который деспот им оказал. Согласно Кантакузину, латиняне, действовавшие самостоятельно, «убедили его заключить с ними мирный договор, чтобы они были как подданными князя, так и друзьями и союзниками деспота», обозначив свою готовность выступать под его началом в случае войн на Пелопоннесе и за его пределами [Ioannis Cantacuzeni..., vol. 3, p. 89, 20–25; 90, 1–2]. Вероятно, в числе участников переговоров с Мануилом были те же франки, кто в 1341 г. отправлял посольство к отцу деспота в Дидимотику. Тот факт, что часть ахейской знати, не отрекаясь от сюзерена, была готова выступать под началом греческого правителя, говорит о зарождении новой, более сложной модели греко-латинских отношений на Пелопоннесе. С появлением в регионе сильного лидера, каким стал морейский наместник, оформилась тенденция к устойчивому, а не ситуативному сотрудничеству. Авторитет деспота, таким образом, распространился и на северную часть полуострова.

Достигнутые договоренности продемонстрировали, что и сам Мануил был заинтересован в военной поддержке своих латинских соседей. Союз с франками являлся необходимым для укрепления внутренней организации деспотата и восполнения ресурсов страны [Zakythinos, p. 94]. Важно также, что мир на Пелопоннесе и поддержка Мануила латинянами обеспечивали дополнительную устойчивость собственной власти деспота в его владениях. О том, что сепаратистские настроения среди местных землевладельцев сохранялись довольно долго, свидетельствует борьба третьего деспота Мореи Феодора I Палеолога (1383–1407) с архонтами тридцатью годами позже [Page, p. 209].

Основной же целью греко-латинского сотрудничества была оборона совместными усилиями территории полуострова от внешних врагов, поскольку ко второй половине XIV в. обстановка в регионе стала еще более напряженной. Упоминая о нападениях на Пелопоннес извне, которые опустошали полуостров, Кантакузин имел в виду прежде всего тюрков. Впервые побережье Мореи было разграблено флотом Умура, эмира Айдынского бейлика, в 1332/1333 г., а весной 1335 г. тюрки продвинулись вплоть до столицы византийского Пелопоннеса Мистры [Runciman, p. 52]. В дальнейшем подобные рейды становились все более частыми, набеги превращались в экспедиции длительностью до 50 дней [Gill, p. 57]. Кантакузин писал, что Пелопоннес страдал от тюркских нападений [Ioannis Cantacuzeni..., vol. 3, p. 85, 3–4], а попытка его сына собрать налог на снаряжение флота, чтобы пресечь регулярные нападения, вызвала восстание архонтов [Ibid., p. 87, 3–8]. Об усилении тюркской опасности в середине XIV в. говорят и венецианские документы. В постановлении Сената от 24 июля 1352 г. шла речь о формировании антитюркского союза населения венецианских портов Корона и Модона с франками. Муниципалитет предоставлял для этих целей две галей и транспортное судно, расходы на которые делили франки, католическая церковь и венецианцы [Régestes..., p. 73, № 256]. Архиепископ Патр в это же время был вынужден непрерывно оказывать сопротивление тюркам, а в 1357 г. папа Иннокентий VI (1352–1362) обратился к князю Роберту Тарентскому с просьбой о его личном вмешательстве и защите Ахайи от тюркской угрозы [Zakythinos, p. 107].

Напряжение в регионе достигло пика, когда маршал Афинского герцогства Рожер де Ллуриа [PLP, № 20754] обратился за помощью к османскому султану Мураду I (1362–1389) в захвате города Фивы, находившегося под властью каталонцев. Крупный османский отряд, прибывший на греческие территории, сделал положение всего Пелопоннеса крайне уязвимым, поскольку вскоре после оккупации Фив разграбил полуостров, нанеся вред как греческим, так и латинским территориям [Zakythinos, p. 108]. Географический фактор и непростые отношения с каталонцами в прошлом поставили население полуострова перед угрозой регулярных нападений, которая побудила владельцев Пелопоннеса сплотиться для защиты своих территорий. Их совместные военные действия нашли отражение в Арагонской версии Морейской хроники. В начале 1360-х гг. (вероятнее всего в 1363/1364 г. [Lock, 1995, p. 326; Nicol, p. 125]) против турок

оформился союз греков и латинян Пелопоннеса, который заключили «деспот греков» Мануил, баллы Ахейского княжества Готье де Лор, венецианцы, а также госпитальеры Родоса [Libro de los Féchos..., p. 151, 685]. Целью союза было недопущение новых нападений на территорию Пелопоннеса. На судах, предоставленных венецианцами и рыцарями ордена св. Иоанна под началом Раймонда Беренгера [PLP, № 19688], союзники атаковали турецкий флот у берегов близ Мегары. В результате, согласно хронике, было сожжено 35 турецких кораблей, а выжившие бежали в Фивы к каталонцам. Хронист отмечает, что воины Пелопоннеса не имели возможности их там преследовать и отступили, удовлетворенные победой [Libro de los Féchos..., p. 151, 685–86]. Для греко-латинского сотрудничества на полуострове этот случай можно назвать уникальным, поскольку формирование столь крупного военного союза стало единственным примером их объединения перед лицом внешней угрозы.

Мемуары Иоанна VI Кантакузина также содержат сведения о том, что латиняне «часто были его (Мануила. — Т. Б.) союзниками, когда он отражал персидские морские атаки, и он разделял с ними (франками. — Т. Б.) многие победы над варварами» [Ioannis Cantacuzeni..., vol. 3, p. 90, 1–5]. Это сообщение, судя по всему, говорит в пользу неоднократности совместных военных действий Мануила и его латинских союзников. Упоминает Кантакузин и об их совместном «нападении на Беотию в войне против одного из латинских правителей, человека по имени Рожер де Ллуриа» [Ibid., p. 90, 5–8], что перекликается с данными хроники. Отметим, что на сей раз варварами именовались уже не латиняне, лояльные деспоту и выступавшие в войне с ним заодно, а представлявшие опасность турки и каталонцы. Подобная градация варварства также может говорить о том, что пропасть между западными и восточными христианами на Пелопоннесе за время греко-латинского сотрудничества была сокращена, и обе стороны воспринимали как достаточно привычное явление ведение совместных военных действий.

Об эволюции взаимоотношений франков и ромеев свидетельствует тот факт, что их союз стал более устойчивым и длительным. С момента прибытия Мануила на Пелопоннес и до рассмотренных событий прошло почти пятнадцать лет. Ранее в истории греко-латинских отношений самый продолжительный по времени мир был достигнут в конце XIII в. — он продлился около семи лет [Zakythinos, p. 61–64]. В силу же того, что внешняя угроза стала для региона перманентной, ситуативность прежних договоренностей о сотрудничестве уступила место более стабильному военно-политическому союзу.

Одной из причин наступившего продолжительного взаимопонимания между греками и франками было латинское происхождение супруги Мануила. Исследователи единогласны в том, что в какой-то мере через жену на деспота распространилось латинское влияние [Zakythinos, p. 106; Runciman, p. 53]. Изабелла де Лузиньян [PLP, № 92549] была дочерью короля Киликийской Армении Константина III (1342–1344), а также родственницей королей Кипра [Близнюк, с. 245]. Их брак был заключен предположительно в 1347 г., вскоре после того, как отец Мануила стал византийским императором [Nicol, p. 124]. Безусловно,

этот династический брак преследовал цель укрепить политические контакты Византии с латинскими правителями Романии. В то же время родство деспота с династией Лузиньянов в дальнейшем привело к нарушению политического равновесия, установившегося на Пелопоннесе с начала его правления.

Двоюродным братом деспины был Ги де Лузиньян, принц Галилеи [PLP, № 92553] и первый муж Марии де Бурбон, ставшей после брака с Робертом Тарентским титулярной императрицей Константинополя и княгиней Ахайи. Вскоре после смерти в 1364 г. не оставившего наследников Роберта на Пелопоннесе началась борьба между претендентами на княжеский титул [Topping, p. 141–142], вновь обнажившая неоднородность латинских элит Ахайи и отсутствие внутри них согласия. В 1366 г. Мария де Бурбон, которой принадлежали крупные владения в княжестве [Documents..., p. 141–144], и ее сын от первого брака Гуго [PLP, № 92562] решили оспорить права Филиппа, брата покойного князя Роберта, которому симпатизировало большинство баронов, включая влиятельного архиепископа Патр Анжело Аччайуоли (1365–1366/7) [PLP, № 1607; Zakythinos, p. 108–109]. В результате многочисленное войско Марии и Гуго осадило Патры. Разразилась вторая в истории Ахайи война за княжеский титул.

В эту войну оказался вовлечен и Мануил Кантакузин. Венецианец Карло Дзено [PLP, № 27914], руководивший обороной Патр, сумел отбросить войска Марии к Наварино, где она с сыном смогли укрыться [Libro de los Féchos..., p. 153, 693; Topping, p. 142]. Преданный Марии кастелян Наварино Гийом де Талай незадолго до этих событий запросил помощи у «деспота греков», а также сеньора Аргоса и Нафплиона Ги д'Энгьена [Ortega, p. 595], чтобы те «послали ему людей на помощь, из любви к его даме и его господину Гуго де Лузиньяну, принцу Галилеи, который был их родственником» [Libro de los Féchos..., p. 153, 697–698]. Оба адресата ответили на призыв, что подтверждает личный интерес самого деспота к событиям в Ахайе [Millet, p. 458–459] и готовность вмешаться во внутренние дела соседей, несмотря на заключенный мир с латинянами. Не исключено, что деспот поддержал Марию и ее сына, рассчитывая, что их приход к власти в Ахайе позволит укрепить его влияние на латинских территориях. Отряды Мануила и Ги д'Энгьена, отправленные на помощь Марии, нанесли значительный ущерб ахейским землям в окрестностях крепостей Андравида и Манолады на северо-западе Пелопоннеса [Libro de los Féchos..., p. 154, 698]. Таким образом, брак с Изабеллой предоставил деспоту повод для вмешательства во внутренние дела франков.

Конфликт был урегулирован прибывшим на Пелопоннес графом Амадеем VI Савойским (1343–1383), который пришел на помощь Марии, приходившейся двоюродной сестрой его жене [Zakythinos, p. 10]. Согласно мирному соглашению, заключенному в Модоне, архиепископ Патр должен был выплатить Марии и ее сыну крупную денежную компенсацию. Часть этой суммы, восемь тысяч дукатов, была разделена между Мануилом и другими воинами, пришедшими им на помощь [Libro de los Féchos..., p. 155, 702]. Однако, несмотря на договор, Гуго и Мануил продолжали разорять Ахайю вплоть до 1370 г., когда Мария

заключила договор с Филиппом Тарентским и отказалась от притязаний на княжество [Bon, p. 250]. Таким образом, Мануил Кантакузин, несмотря на то, что князем стал не Гуго де Лузиньян, сумел извлечь выгоды из этого предприятия, как минимум улучшив собственное финансовое положение. Не исключено также, что в условиях военных действий он смог захватить некоторые латинские земли. Но военная активность Мануила в Ахайе не могла не повлиять на его отношения с латинянами, вызвав у них настороженность в отношении греков. К сожалению, не представляется возможности проследить, пострадали ли в ходе этой войны латиняне, ранее сотрудничавшие с Мануилом, или же удары были направлены на иных подданных княжества.

Греко-латинские отношения окончательно испортились через несколько лет, когда новый балыи, неаполитанец Франциск де Сан-Северино, напал на византийскую крепость Гардики, расположенную между Мессенией и Аркадией [Topping, p. 146]. Это нарушило мир между княжеством и Морейским деспотатом. Мануил Кантакузин, получивший тревожную новость, выступил против франков, но в сражении при Гардики в 1375 г. греки потерпели поражение [Libro de los Féchos..., p. 158, 715–717; 159, 720–721]. Сама же крепость, будучи хорошо укрепленной, устояла, так что балыи был вынужден снять осаду и отступить в Кларенцу [Bon, p. 252]. Конфликт не привел к видимым результатам, однако изменил характер политических отношений двух сторон. И хотя до смерти Мануила Кантакузина в 1380 г. новых военных конфликтов с латинянами не происходило, о прежнем сотрудничестве говорить уже не приходилось. К концу его правления Ахейское княжество было разделено на несколько самостоятельных уделов, часть из которых оказались под властью новых латинских правителей, не скрывавших своих завоевательных амбиций: госпитальеров Родоса, получивших княжество в пятилетнюю аренду, и наваррских наемников — наиболее организованной латинской силы, которые инициировали серию военных столкновений на полуострове [Necipoglu, p. 235; Tsougarakis, p. 6].

Таким образом, продиктованное вызовами времени политическое сближение византийцев и латинян Мореи было обусловлено рядом причин. Бесспорно, большую роль в заключении греко-латинского союза в середине XIV в. сыграло появление на Пелопоннесе фигуры постоянного и авторитетного правителя, который сумел прекратить внутренние неурядицы в Морее и завоевать доверие латинских соседей. Необходимость союза с деспотом осознавали и латиняне, которые и ранее стремились обрести деятельного и небезразличного до их внутренних дел сюзерена, способного обеспечить защиту их владений и стабильность их социального положения. Главными побудительными мотивами создания военно-политического союза в итоге стали общая заинтересованность в мире как залого успешного внутреннего развития и необходимость защитить Пелопоннес от участвовавших нападений извне. Нацеленное, в первую очередь, на противодействие тюркской угрозе, греко-латинское военно-политическое сотрудничество дало видимый результат и продемонстрировало плодотворность такой модели взаимоотношений.

Утвердившийся мир привел к относительной стабилизации обстановки в регионе и способствовал постепенному сближению греческого и латинского населения Пелопоннеса. Продолжительное сотрудничество деспота Мануила и латинских подданных Ахейского княжества, по меньшей мере до 1360-х гг., говорит в пользу того, что в их отношениях за это время произошла определенная подвижка. Изменения выразились в последовательности политического курса византийского деспота, который в течение половины своего тридцатилетнего правления избегал военных действий против соседей, а они, в свою очередь, сохраняли верность заключенному союзу. Только дестабилизация Ахейского княжества, вызванная борьбой претендентов за княжеский титул, и призыв одной из соперничающих сторон вынудили Мануила отправить туда военные силы и втянуться в новый конфликт.

Внутри правящего класса франков, не отличавшегося однородностью, не было согласия. Латиняне были разобщены, и деспот заключал союз лишь с какой-то частью ахейской знати. В условиях междоусобной войны, когда Мануил Кантакузин поддержал, причем совместно с еще одним латинским бароном, родственника своей супруги, византийская сторона, по сути, не нарушила существовавшего мирного договора. Но вмешательство во внутриахейские дела византийцев лишь усложнило политическую ситуацию на Пелопоннесе. Возродились прежние противоречия, вновь дали о себе знать культурно-исторические различия между латинянами и греками. Наступил конец мирному сосуществованию франков и ромеев в регионе цивилизационного фронта.

Источники

Близнюк С. В. Леонтий Махера и его хроника «Повесть о сладкой земле Кипр» / пер. с кипрского диалекта среднегреческого яз., вступ. ст. и комм. С. В. Близнюк. М.: Academia, 2018.

Démétrius Cydonès, Correspondence / ed. R.-J. Loenertz. Vatican: Biblioteca Apostolica Vaticana, 1956. Vol. 1.

Documents sur le Régime des Terres dans la Principauté de Morée au XIVe siècle / ed. par J. Longnon, P. Topping. Paris: Mouton & Co La Haye, 1969.

Ioannis Cantacuzeni Historiarum Libri IV / ed. L. Schopen, E. Bekker. Bonn: Impensis ed. Weberi, 1831. Vol. 2; 1832. Vol. 3.

Libro de los Féchos et Conquistas del Principado de la Morea. Chronique de Morée aux XIIIe et XIVe siècles / publ. et trad. par A. Morel-Fatio. Genève: Imprimerie Jules-Guillaume Fick, 1885.

Nikephori Gregorae Historia Byzantina / ed. L. Schopen; E. Bekker. Bonn: Impensis ed. Weberi, 1830. Vol. 2.

Régestes des Délibérations du Sénat de Venise Concernant la Romanie / ed. Fr. Thiriet. Paris: Mouton & Co La Haye, 1958. Vol. 1.

Исследования

Поляковская М. А. Византийский дворцовый церемониал XIV в.: «театр власти». Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011.

Balard M. Latins in the Aegean and the Balkans (1300–1400) // The Cambridge History of the Byzantine Empire ca. 500–1492 / ed. J. Shepard. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2007. P. 834–851.

Bon A. *La Morée Franque: Recherches Historiques, Topographiques et Archéologiques sur la Principauté d'Achaïe (1205–1430)*. Paris : E. de Boccard, 1969.

Gill J. John VI Cantacuzenus and the Turks // *Byzantina*. Vol. 13. No. 1. 1985. P. 55–76.

Guilland R. *Recherches sur l'Histoire Administrative de l'Empire Byzantin: Le Despote, δεσπότης* // *Revue des Études Byzantines*. 1959. Vol. 17. P. 52–89.

Housley N. *Frontier Societies and Crusading in the Late Middle Ages* // *Mediterranean Historical Review*. 1995. Vol. 10. P. 104–119.

Jacoby D. *The Encounter of Two Societies: Western Conquerors and Byzantines in the Peloponnese after the Fourth Crusade* // *The American Historical Review*. 1973. Vol. 78, No. 4. P. 783–906.

Lock P. *The Franks in the Aegean, 1204–1500*. London ; New York : Longman, 1995.

Lock P. *Sanudo, Turks, Greeks and Latins in the Early Fourteenth Century* // *Contact and Conflict in Frankish Greece and Aegean, 1204–1453* / ed. N. G. Chrissis, M. Carr. London ; New York : Routledge, 2014. P. 135–149.

Millet G. *Inscriptions Inédites de Mistra* // *Bulletin de Correspondance Hellénique*. 1906. Vol. 30. P. 453–466.

McLaughlin B. S. *An Annotated Translation of John Kantakouzenos' Histories, Book III, Chapters 1–30* : doctoral thesis / Royal Holloway, University of London. London, 2017.

Necipoglu N. *Byzantium between the Ottomans and the Latins*. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2009.

Nicol D. *The Byzantine Family of Kantakouzenos, ca. 1100–1460. A Genealogical and Prosopographical Study*. Washington : Dumbarton Oaks Center for Byzantine Studies, 1968.

Ortega I. *Les Lignages Nobiliaires dans la Morée Latine (XIIIe–XVe siècle), Permanences et Mutations*. Brepols : Brepols Publishers, 2012.

Page G. *Being Byzantine. Greek Identity before the Ottomans*. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2008.

PLP — *Prosopographischen Lexikon der Palaiologenzeit* / erst. E. Trapp, R. Walther, H.-V. Beyer u. a. Wien : Verl. der Österreichischen Akad. der Wissenschaft, 1976–1995. Fasc. 1–12.

Runciman S. *Mistra. Byzantine capital of the Peloponnese*. London : Thames and Hudson, 1980.

Shawcross T. *Chronicle of Morea: Historiography in Crusader Greece*. Oxford : Oxford Univ. Press, 2009.

The Oxford Dictionary of Byzantium / ed. A. P. Kazhdan. Oxford ; New York : Oxford Univ. Press, 1991.

Topping P. *The Morea (1311–1364); The Morea (1364–1460)* // *A History of the Crusades* / ed. K. M. Setton, H. W. Hazzard. Madison; Wisconsin : The Univ. of Wisconsin Press, 1975. Vol. 3. P. 104–140; 141–166.

Tsougarakis N. I. *The Latins in Greece: A Brief Introduction* // *A companion to Latin Greece* / ed. N. I. Tsougarakis, P. Lock. Boston ; Leiden : Brill, 2014. P. 1–22.

Zakythinos D. A. *Le Despotat Grec de Morée*. Paris : Société d'Édition «Les Belles Lettres», 1932. Vol. 1.

References

Balard, M. (2007). *Latins in the Aegean and the Balkans (1300–1400)*. In J. Shepard (Ed.), *The Cambridge History of the Byzantine Empire ca. 500–1492* (pp. 834–851). Cambridge: Cambridge Univ. Press.

Bon, A. (1969). *La Morée Franque: Recherches Historiques, Topographiques et Archéologiques sur la Principauté d'Achaïe (1205–1430)*. Paris: E. de Boccard.

Gill, J. (1985). John VI Cantacuzenus and the Turks. *Byzantina*, 13(1), 55–76.

Guilland, R. (1959). *Recherches sur l'Histoire Administrative de l'Empire Byzantin: Le Despote, δεσπότης*. *Revue des Études Byzantines*, 17, 52–89.

Housley, N. (1995). *Frontier Societies and Crusading in the Late Middle Ages*. *Mediterranean Historical Review*, 10, 104–119.

Jacoby, D. (1973). The Encounter of Two Societies: Western Conquerors and Byzantines in the Peloponnesus after the Fourth Crusade. *The American Historical Review*, 78(4), 783–906.

Kazhdan, A. P. (Ed.). (1991). *The Oxford Dictionary of Byzantium* (Vols. 1–3). Oxford; New York: Oxford Univ. Press.

Lock, P. (1995). *The Franks in the Aegean, 1204–1500*. London; New York: Longman.

Lock, P. (2014). Sanudo, Turks, Greeks and Latins in the Early Fourteenth Century. In N. G. Chrissis, & M. Carr (Eds.), *Contact and Conflict in Frankish Greece and Aegean, 1204–1453* (pp. 135–149). London; New York: Routledge.

McLaughlin, B. S. (2017). *An Annotated Translation of John Kantakouzenos' Histories, Book III, Chapters 1–30* (doctoral dissertation). Royal Holloway, University of London, London.

Millet, G. (1906). Inscriptions Inédites de Mistra. *Bulletin de Correspondance Hellénique*, 30, 453–466.

Necipoglu, N. (2009). *Byzantium between the Ottomans and the Latins*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.

Nicol, D. (1968). *The Byzantine Family of Kantakouzenos, ca. 1100–1460. A Genealogical and Prosopographical Study*. Washington: Dumbarton Oaks Center for Byzantine Studies.

Ortega, I. (2012). *Les Lignages Nobiliaires dans la Morée Latine (XIIIe–XVe siècle), Permanences et Mutations*. Brepols: Brepols Publishers.

Page, G. (2008). *Being Byzantine. Greek Identity before the Ottomans*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.

Polyakovskaya, M. A. (2011). *Vizantiiskii dvortsovyi tseremonial XIV v.: "teatr vlasti"* [The Byzantine Palace Ceremonial of the 14th Century: "The Theatre of Power"]. Yekaterinburg: Ural University Press.

Runciman, S. (1980). *Mistra. Byzantine capital of the Peloponnese*. London: Thames and Hudson.

Shawcross, T. (2009). *Chronicle of Morea: Historiography in Crusader Greece*. Oxford: Oxford Univ. Press.

Topping, P. (1975). The Morea (1311–1364); The Morea (1364–1460). In K. M. Setton, & H. W. Hazzard (Eds.), *A History of the Crusades* (Vol. 3, pp. 104–140; 141–166). Madison; Wisconsin: The University of Wisconsin Press.

Trapp, E., Walther, R., Beyer, H.-V. et al. (Eds.). (1976–1995). *Prosopographischen Lexikon der Palaiologenzeit*, Fasc. 1–12. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaft.

Tsougarakis, N. I. (2014). The Latins in Greece: A Brief Introduction. In N. I. Tsougarakis, & P. Lock (Eds.), *A Companion to Latin Greece* (pp. 1–22). Boston; Leiden: Brill.

Zakythinos, D. A. (1932). *Le Despotat Grec de Morée*. Paris: Société d'Édition «Les Belles Lettres» (Vol. 1).

Белоруссова, Татьяна Евгеньевна

аспирант, инженер-исследователь

кафедры истории Древнего мира

и Средних веков

Уральский федеральный университет

620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51

E-mail: belorussovaaa@gmail.com

Belorussova, Tatiana Evgenievna

Postgraduate Student, Research Engineer

Department of Ancient History

and the Middle Ages

Ural Federal University

51, Lenin Ave., 620000 Yekaterinburg, Russia

Email: belorussovaaa@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-3493-1474>